

А. А. РОСЛЯКОВ

АЛАМАНЫ

Вопрос о туркменских аламанах (набегах) давно уже поднят в исторической литературе, но вплоть до последнего времени по нему высказывались самые противоречивые суждения.

Иранские феодальные сановники и некоторые западноевропейские и русские авторы XIX в. рассматривали аламаты как основное занятие туркмен, клеветнически обвиняя весь туркменский народ в поголовном разбойничестве. При этом в одних случаях аламанство объявлялось результатом географических условий — бедности материальных ресурсов Туркмении¹, в других — объяснялось «разбойническими склонностями» туркмен, которые якобы вообще не привыкли работать².

Конечно, советские историки не могли не выступить против такого чудовищного обвинения. Составители сборника «Россия и Туркмения в XIX в.» А. Г. Соловьев и А. А. Сенников решительно возражали против стремления объявить аламаты основным занятием туркмен³. Но, к сожалению, названные авторы не смогли удержаться на правильных позициях и сделали попытку, хотя и весьма осторожную, оправдать аламаты, что вызвало справедливую критику на страницах журнала «Вопросы истории»⁴. Еще большую ошибку сделала А. И. Акатова, которая пыталась утверждать, что аламаты являлись справедливой освободительной войной туркменского народа, пыталась оправдать грабежи и даже работоторговлю⁵.

Между тем источники позволяют достаточно подробно изучить вопрос о характере и социальной сущности аламанства и дать ему правильную оценку.

Многочисленные данные об аламанах содержат хивинские хроники Муниса и Агехи и иранские исторические сочинения XIX в. Об аламанах писали почти все европейские путешественники, посетившие в XIX в. Туркмению. Несомненно, все эти источники требуют сугубо критического подхода, но при сопоставлении дают достаточно убедительный материал. Кроме того, туркменские предания, собранные Г. И. Карповым⁶ и другими этнографами, позволяют внести некоторые коррективы в показания письменных источников.

В основу настоящей работы положен анализ почти двухсот набегов (аламанов и чапаулов), описанных с различной полнотой в доступных

¹ И. С. Васильев, Ахал-текинский оазис, СПб., 1888, стр. 6—8.

² Риза-кули-хан, Сафарат-намэ-и-Хорезм, «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, АН, 1938 (в дальнейшем МИИТ, II), стр. 291; Н. И. Гродеков, Война в Туркмении, СПб., т. I, 1883, стр. 87.

³ Сб. «Россия и Туркмения в XIX в.», Ашхабад, 1946, стр. 5—6.

⁴ Н. Халфин, Россия и Туркмения в XIX в., Сборник документов (рецензия), «Вопросы истории», 1948, № 10.

⁵ А. И. Акатова, Туркменские племена накануне присоединения к России, «Известия Туркменского филиала АН СССР», 1950, № 5. Впоследствии А. И. Акатова признала свою ошибку.

⁶ Г. И. Карпов, Аламаты, «Туркменоведение», 1931, № 5—6.

автору источниках и исследованиях. Использовались также общие высказывания об аламанах, сделанные наблюдателями и исследователями XIX в., работы Г. И. Карпова, туркменские предания, любезно сообщенные С. Н. Юмудским. Х. Хановым и рядом других лиц, произведения туркменских поэтов XV—XIX вв. и архивные материалы.

Прежде всего следует сказать, что аламанов не были специфически туркменским занятием: грабительские набеги — обычное явление для всех обществ, где господствуют полупатриархальные-полуфеодальные отношения, будь то кавказские горцы, туареги Сахары, бедуины Аравии и тангуты Центральной Азии в XVIII—XIX вв. или же скандинавы времен викингов. Сами туркмены часто подвергались набегам со стороны соседних феодалов, особенно иранских. Иранские исторические сочинения пестрят сообщениями о нападениях иранских войск на туркменские селения, об уничтожении аулов, угоне скота, истреблении и обращении в рабство людей.

В 1809 г. иранские войска Мухаммед-вели-мирзы разграбили и опустошили земли туркмен от Нисы до Теджена. «Много туркмен пало от его меча, множество он сделал пленниками. На долю воинов досталась приличная добыча, в общей сложности состоявшая из ста тысяч голов скота. Много (туркмен) было обезглавлено, а головы их были посланы ко двору шаха»⁷.

В 1813 г. иранский шахзадэ Мухаммед-кули-мирза послал войска, «...чтобы они убивали, забирали в плен и грабили племя теке, обитателей Бами и Беурма, самых знатных из этого племени. Назначенные устроили внезапное нападение в день праздника разговенья; с первым же ударом многочисленная группа мужчин стала жертвой меча, две тысячи юношей, мужчин и прекрасных женщин стали пленниками. Взяв в добычу более пятидесяти тысяч верблюдов, быков, овец, коней, кобылиц и имущество, они направились в обратный путь»⁸.

Очень часто такие походы официально объявлялись «карательными экспедициями», хотя в действительности в обстановке непрерывной пограничной войны невозможно было определить, кто «просто» напал, а кто совершал «ответный» набег.

Аламан как вид войны имеет длинную историю. Корнями своими аламанов восходят к периоду разложения первобытно-общинного строя, когда основным видом войны стали грабительские набеги, служившие постоянным источником доходов для племенной знати. Знать всячески разжигала межплеменную вражду, стремясь втянуть в набеги трудящихся и этим увеличить численность своих отрядов.

Эту грабительскую сущность, как мы покажем ниже, аламанов сохранили и в XIX в., когда у туркмен господствовали полупатриархальные-полуфеодальные отношения. Феодалы использовали аламанов как одну из форм обычных феодальных междоусобных войн, а также как средство подавления «непокорных» туркменских племен и родов, пытавшихся сбросить ярмо угнетения.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о социальном характере аламанства, следует осветить методы организации и проведения аламанов, а также выяснить, на какие объекты они обычно направлялись.

Аламаном назывался набег, совершаемый отрядом различной величины — от нескольких человек до 2—3 тысяч всадников. Он мог совершаться как в мирное время, так и во время войны⁹. Аламаном назывался также отряд, совершавший набег, и воин — участник набega.

⁷ Тарих-и-каджарийе, МИТТ, II, стр. 208.

⁸ Ма'асир-и-султанийе, МИТТ, II, стр. 218.

⁹ В последнем случае иногда употреблялся термин «чапаул» (чапаул). Этот термин чаще употребляли узбеки, но он существовал и у туркмен.

Для каждого набега формировался специальный отряд, после возвращения распадавшийся. Большинство русских авторов XIX в. определяет обычную численность отрядов аламанщиков от 150 человек и выше¹⁰, но данные восточных хроник позволяют внести некоторые поправки к этому мнению и определить обычную численность подобных отрядов от 25 до 500 человек.

Всей организацией аламана ведал сердар, который выбирал объект нападения, обдумывал план набега и практически руководил последним. Во главе крупных отрядов иногда стояло несколько сердаров. Сердар, задумавший набег, объявлял о своем намерении по аулам, и в назначенный день к нему съезжались все, кто хотел принять участие в набеге. Как общее правило, все аламанщики были всадниками, хотя иногда в составе крупных отрядов была и пехота на верблюдах¹¹.

Большое внимание обращалось на вооружение и снаряжение. Участники аламанов были, как правило, хорошо вооружены — много лучше, чем туркменской войско в целом. Отряд аламанщиков, встреченный Бернсом в 1833 г., был поголовно вооружен саблями и копьями; многие туркменские всадники имели кавалерийские ружья¹². Позднее Быков также отмечал хорошее вооружение аламанщиков¹³. Обоза мелкие отряды не имели: всадники брали запас жареной баранины (очевидно, коурмы) и лепешек для себя¹⁴ и джугары для лошадей¹⁵. Большие отряды, особенно отправлявшиеся на значительное расстояние, как правило, имели обоз (жөч), состоявший из верблюдов, груженых фуражом и водой¹⁶. Особенно крупные отряды, насчитывавшие несколько тысяч всадников, иногда высылали вперед на место привала часть людей для рытья колодцев¹⁷. Из осадных средств аламанщики иногда брали с собой лестницы¹⁸.

Несомненный интерес представляет выяснение наиболее обычных объектов аламанов.

Даже тогда, когда аламань совершались во время войны и являлись одним из методов ее ведения, а тем более в мирное время, они очень редко направлялись на войска и крепости противника. Среди 142 аламанов XIX в., объекты которых можно установить, таких случаев было лишь 14. Во всех остальных случаях аламань направлялись на невоенные объекты — села, города, караваны, стада и т. п. — безразлично, происходило ли это в мирное время или в военное. Чаще всего аламань направлялись на неукрепленные или слабо укрепленные села, кочевья, стада на пастбищах, отдельные группы людей, удалившихся от селений (охотники, угольщики, сборщики топлива) — 107 набегов из 142. Весьма обычным видом аламанов были грабежи на больших дорогах из Бухары в Оренбург, из Бухары в Мерв (Репетекская дорога) и других. На дорогах аламань подстерегали торговые караваны и паломников. Гораздо реже происходили нападения на хорошо укрепленные селения и города — всего 6 случаев. Таким образом, больше всего страдало от аламанов сельское население, оседлое и кочевое (в том числе и туркменское).

¹⁰ «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 199; Быков, Теке Мерва, Ташкент, 1879;

Н. И. Гродеков, Война в Туркмении, т. I, стр. 56 и сл.

¹¹ «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 199.

¹² Бернс, Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1849, стр. 70, 93.

¹³ Быков, Теке Мерва.

¹⁴ «Новое время», 1879, № 1326.

¹⁵ «Туркестанский сборник», т. 27, л. 305.

¹⁶ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, МИТТ, II стр. 401, 502—503.

¹⁷ Там же, стр. 401, 502—503.

¹⁸ Там же, стр. 256—257, 273; Житков, Текинско-персидские укрепления, «Инженерный журнал», 1883, № 5, стр. 43; Н. И. Гродеков, Война в Туркмении, т. I, стр. 58.

Важнейшими объектами захвата в аламанах были пленники (особенно пленницы) и скот. Аламаны, совершаемые не только туркменами, но также курдами, афганцами и другими, были основным источником рабства, сохранившегося, как известно, в Средней Азии до ее присоединения к России, а в других странах Среднего Востока и в более позднее время. Захватывали в плен людей на полях, пастухов, купцов и просто одиночек-чужестранцев. Пленных обычно продавали на невольничьих рынках Хивы, Бухары и Ирана, но иногда оставляли в туркменских аулах (кулы, грнак) или отпускали за выкуп. Стремались также угнать скот; если предстояло гнать его через пустыню, то брали в первую очередь верблюдов и лошадей и лишь затем овец; если расстояние было невелико, забирали любой скот, в том числе ослов, коров и быков. Захватывалось также и всякое другое ценное имущество. При удачном аламани добыча (олджа) могла быть весьма значительной: золото, дорогие ткани, сотни пленников, десятки тысяч голов скота¹⁹. Даже и в тех более частых случаях, когда результаты были гораздо более скромными, аламаны причиняли страшное разорение населению, подвергнутому грабежу. Аламаны редко обходились без убийства; иногда погибали сотни людей, опустошались целые районы.

Аламаны чаще всего совершались осенью, но бывали и в другие времена года. Из 114 аламанов, время проведения которых удалось установить, 40 было совершено осенью, 21 — зимой, 26 — весной и 27 — летом. Следует при этом отметить, что из 27 летних набегов 24 приходится на набеги, производившиеся во время войны; «обычные» грабительские набеги летом совершались сравнительно редко. Но в общем население могло ожидать нападения в любое время года, тем более, что военные действия часто начинались именно аламанами без всякого предупреждения.

Методы проведения набегов имели много общего с набегами у других кочевых народов. Эти методы были различны для небольшого отряда в 50—100 всадников и для войска в 2—3 тысячи человек.

Действия мелкого конного отряда строились на быстроте и скрытности марша, внезапном стремительном ударе и таком же быстром уходе с добычей. Значительный отряд мог действовать иначе — открытой силой. Конечно, и здесь была необходима скрытность действий, но уже для другого: чтобы заранее предупрежденный противник не укрылся от нападения.

Примером тактики небольшого отряда может служить набег йомутского сердара Сары-Карная на Ахал летом 1817 г. Привожу рассказ Агехи (в переводе П. П. Иванова): «В понедельник 28 числа того же месяца (28-го шабана 1232 г. х. = 13 июля 1817 г. — А. Р.) Сары-Карнай, вместе с сотней избранных джигитов из йомутов, получили разрешение хана на совершение набега. Войдя в пески к западу от (мазара) святого Йом-и-Махмуд-ата и двигаясь окольными путями, отряд подошел к одному из колодцев, находящихся по ту сторону Ахала²⁰ на расстоянии дневного перехода. Напав стремительно (на теке), отряд убил четырнадцать человек, забрал большую добычу, в том числе шестьсот верблюдов, и пошел обратно. В середине месяца рамазана они (воины) были приняты ханом и удостоились его высоких милостей и наград. Весь этот поход продолжался 20 дней»²¹.

В этом лаконичном рассказе четко выступают все характерные черты набега, совершенного бандой профессиональных аламанщиков под руководством известного разбойничьего вожака первой половины XIX в. Здесь

¹⁹ МИТТ, II, стр. 268—269, 356, 531.

²⁰ В данном случае перевод неточен: слово «арка» здесь обозначает не «по ту сторону», а «севернее».

²¹ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, стр. 400.

все типично — и величина отряда, и его состав («избранные джигиты»), и быстрый скрытный марш (40—50 км в сутки «окольными путями»), и внезапный налет на мирное кочевье, закончившийся убийством 14 человек (без потерь у нападавших) и угоном большого количества скота, т. е. разорением множества семейств, и даже получение «высоких милостей и наград» за убийство и разбой от организатора злодеяния — хивинского хана. Следует добавить, что поводом для этого и многих других набегов послужило упорное нежелание текинцев Ахала подчиниться хану Хивы.

Весьма близок к описанному другой набег, совершенный осенью 1879 г. аламанщиками Ахала на один из йомутских аулов в 20 верстах от Красноводска. 300—400 всадников, вооруженных саблями и ружьями и имевших заводных лошадей, скрытно преодолели пустыню между Кызыл-Арватом и Красноводском и 16 октября, перед зарей, с криком обрушились на не ожидавший нападения аул из 50 кибиток. Неорганизованное сопротивление было быстро сломлено (мужчин в этот момент в ауле почти не было), старики и старухи перебиты, около 100 женщин уведено в плен, прежде чем гарнизон Красноводска успел оказать помощь. Причиной набега послужило стремление реакционной феодально-клерикальной знати Ахала отомстить йомутам за добровольный переход в русское подданство²².

Крупные набеги, предпринимавшиеся сильными отрядами, проводились обычно несколько иначе. Такой отряд, прибывший в район, намеченный для ограбления, располагался там лагерем и высылал во все стороны мелкие банды, подвергавшие все окрестности погрому и разорению. Примером может служить набег, совершенный двухтысячным отрядом хорезмских туркмен, узбеков и каракалпаков под предводительством Алашбия на Ахал зимой 1818 г.²³ Интересно, что в этом набеге участвовал глава хивинского духовенства шейх-уль-ислам Кутбэддин-ходжа (Кути-ходжа), сам известный аламанщик.

Набеги распадалась на несколько этапов. Первым этапом был сбор отряда, во время которого сердар сообщал план набега, а остальные участники давали клятву хранить этот план в тайне и повиноваться сердару. Сбор назначался вдали от населенных мест. Вторым этапом было движение в район набега. Мелкие отряды шли скрытно, часто ночными переходами (особенно в горах Копет-дага), по малоизвестным пустынным и горным тропам. За сутки часто делали 50—60 км. На походе обычно охранялись парными дозорами, но вообще охранение было поставлено плохо.

Третьим этапом был подход к объекту набега. При этом крупные отряды, как правило, отсылали свой обоз назад, чтобы действовать налегке (это был старинный степной прием, которого строго придерживались туркмены). Вперед высылались конные разъезды, которые должны были произвести разведку и по возможности захватить «языка», показания которого использовались для окончательного выбора объекта и выработки плана нападения. К намеченному объекту часто подходили ночью.

Четвертым этапом было нападение и захват добычи. Здесь приемы были весьма разнообразны в зависимости от характера объекта и обстановки. Аламанщики всегда стремились избежать боя. Если вблизи от объекта нападения были войска (гарнизон, конвой), их старались отвлечь ложным нападением. На неукрепленные села и кочевья старались напасть внезапно, чаще всего на заре или ночью. Для захвата укрепленных селений пользовались другим приемом — ночью располагались в засаде у ворот и на рассвете, как только жители начинали выгонять скот, стреми-

²² «Новое время», 1879, № 1326.

²³ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, стр. 412—413.

тельно врывались в селение²⁴. Города и крепости нередко захватывали и грабили, врываясь через ворота, открытые в базарный день.²⁵ Во всяком случае захват укрепленных пунктов был для аламанщиков, имевших самую примитивную осадную технику, делом нелегким и рискованным. Не имея времени и средств для правильной осады, аламанщики (если не представлялось возможности взять крепость внезапным нападением) предпочитали ограничиваться захватом крестьян на полях, пастухов, угольщиков, сборщиков топлива.

Нападения на караваны часто совершались из засад. В таких случаях караван обычно не успевал оказать серьезного сопротивления, но иногда разбойников встречала организованная оборона. Люди каравана выстраивали верблюдов в круг, клали их (всех или только внешний ряд) на землю и начинали отстреливаться, причем иной раз отбивали все нападения²⁶.

Пятым этапом было возвращение с добычей. Это был опасный момент. Отряд аламанщиков, обремененный добычей, часто подвергался энергичному преследованию и порой терял все награбленное и даже погибал. Поэтому во время отхода обязательно высылались охранение, на пути движения за собой засыпались колодцы, чтобы помешать преследованию, устраивались засады, не раз уничтожавшие неосмотрительных преследователей²⁷. Был распространен и другой прием — заманить преследователей поглубже в пески и там истребить, когда они ослабеют от жары и жажды²⁸. Существовал особый способ для того, чтобы раззадорить преследователей и увлечь их подальше в глубь пустыни — лили в песок растопленное масло, которое долго сохранялось в песке и создавало полную иллюзию свежей конской мочи²⁹. Преследователи, видя это, ускоряли темп движения, будучи уверены, что вот-вот наткнутся на отходящий отряд, и заходили слишком далеко от колодцев в безводные пески, где погибали от жажды или попадали в засаду. Но часто случалось и обратное: сотни аламанщиков складывали свои головы в неудачных набегах, подобно одному из самых «знаменитых» текинских сердаров — Мухаммед-шейху³⁰. Пленных аламанщиков обычно убивали без всякой пощады — только иногда им удавалось выкупиться из плена за огромные деньги: так, например, Тыкма-сержар выкупился за 1000 туманов.

После возвращения или в последние дни похода наступал заключительный акт аламана — дележ добычи. Нам точно не известны правила роздачи добычи. Все наиболее осведомленные авторы утверждают, что доля сердара была значительно выше, чем доля рядового участника; кроме того, по некоторым сведениям, часть добычи отдавалась духовенству³¹. Хивинские аламанщики пятую часть добычи отдавали хану, как это полагалось по шариату. Эта доля называлась «ган»³².

Не подлежит сомнению, что непосредственной и важнейшей целью аламана с точки зрения его участников был грабеж. Захваченная добыча фигурирует постоянно при описаниях аламанов, даже если весь ход набега излагается кратко и в общих чертах. Невозможность захватить до-

²⁴ Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. I, стр. 58.

²⁵ Мунис и Агехи, *Фирдаус-уль-икбаль*, стр. 418.

²⁶ О таком способе обороны пишет еще Дженкинсон (см. «Английские путешественники о Московском государстве в XVI веке», Л., 1937, стр. 180). Сохранился этот способ и в XIX в.

²⁷ См., например, Быков, *Теке Мерва*.

²⁸ Ср. легенду о Кеймир-Кёре (И. А. Беляев, *Из истории туркмен Закаспийской области*, Протоколы Закаспийского кружка любителей археологии, вып. 2, Асхабад, 1916).

²⁹ Сообщено С. Н. Иомудским.

³⁰ Гулибеф де-Блоквилл, *Четырнадцатимесячный плен у текинцев*, «Всемирный путешественник», вып. 33.

³¹ «Новое время», 1879, № 1326.

³² Мунис Агехи, *Фирдаус-уль-икбаль*, стр. 400.

бычу расценивалась и участниками аламана, и авторами хроник как неудача аламана.

Кто же организовывал эти грабительские набеги и участвовал в них? Были ли они занятием всего народа или только определенной его части? На эти вопросы источники дают достаточно полный и определенный ответ.

Тенденциозные иранские сочинения, некритически воспринятые некоторыми европейскими историками, пытались, как сказано выше, изобразить туркмен народом аламанщиков, для которого разбой — основной источник существования. Риза-кули-хан, иранский сановник середины XIX в., писал о туркменах: «ни хлебопашеством, ни (вообще) земледелием, которые являются основой процветания страны (они не занимаются), — все время проводят в набегах, сплошь питаются от продажи пленных»³³. Приблизительно то же писал Вамбери, а с его слов повторяли многие «знатоки Туркмении», такие, как П. С. Васильев, Майер и т. п., дополняя эту клевету глубокомысленными рассуждениями о том, что же послужило причиной, сделавшей аламаны основным занятием туркмен: скудная природа Туркмении или же некая «врожденная склонность туркмен к разбоям». Эти общие рассуждения заменяли собой подлинное изучение фактов и не имели ничего общего с истиной.

Чтобы убедиться в нелепости представления об аламанах как основном источнике существования туркмен или хотя бы занятий, имевшем серьезное значение для их экономики, достаточно привести данные об итогах аламанов хивинских туркмен в 1818 г. по хронике Агехи³⁴. Этот год целесообразно выбрать по двум причинам: во-первых, в 1818 г. особенно усилились хивинские аламаны на Ахал; во-вторых, аламаны этого года описаны особенно подробно, вплоть до мелких набегов силами 30—40 человек. Поэтому можно не опасаться, что данные о размерах добычи аламанщиков в этом году, приведенные Агехи, будут меньше средней действительной «нормы» — скорее, наоборот.

Агехи сообщает о 9 набегах, имевших место в 1818 г., в том числе об одном крупном, с участием 2000 всадников, и 7 более мелких с числом участников от 30 до 700 человек. В одном случае численность отряда не сообщается, но по характеру действий и числу сердаров можно предположить, что в набеге участвовало несколько сотен всадников — скорее всего от 300 до 500. Общая численность аламанщиков, принимавших участие в набегах в 1818 г., составляет приблизительно 3700—3800 человек. При этом, судя по именам военачальников, участвовавших в наиболее крупном набеге 1818 г. — набеге Алаш-бия, — его двухтысячный отряд состоял в основном из узбеков, да и в некоторых других отрядах также был смешанный, узбекско-туркменский, состав. Таким образом, в аламанах 1818 г. приняло участие вряд ли более 2500 хивинских туркмен. Это, конечно, немалое число. Но следует учесть, что в то же самое время одних йомутов в Хиве было не менее 7—8 тысяч семейств³⁵, причем каждая семья составляла двух вооруженных всадников, т. е. всего насчитывалось 14—15 тысяч всадников. Мы не имеем для этого времени данных о численности других туркменских племен — човдуров, емрели, гокленов, карадашлы, ата и т. д., но, судя по числу нукеров, выставившихся ими в 1827 г.³⁶ и численности этих племен во второй половине XIX и начале XX в.³⁷, они были в общей сложности немногим малочисленнее йомутов. Получается, что из 12—15 тысяч семейств, способных выставить 25—30 тысяч воинов, в набегах участвовало лишь 2500 всад-

³³ Риза-кули-хан, Сафарат-намэ-и-Хорезм, стр. 291.

³⁴ МИТТ, II, стр. 405—414.

³⁵ Там же, стр. 359.

³⁶ П. П. Иванов, Архив хивинских ханов, Л., 1940, стр. 168—170.

³⁷ В. Лобачевский, Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Хивинский район, Ташкент, 1912, стр. 54—55.

ников, т. е. 1 всадник на 5—6 семей. И это в год наиболее напряженных набегов! Но фактически число участников аламанов было еще ниже, так как из хроники Агехи явствует, что многие сердары (Сунбад-сердар, Мурад-сердар, Сары-Карнай), а с ними, конечно, и их сподвижники, участвовали за год не в одном, а в двух-трех аламанах. Сопоставляя все эти данные, можно утверждать, что в аламанах 1818 г. участвовало лишь незначительное число туркмен, вероятно, не более 5—10% боеспособных мужчин. Данные по всем другим годам дают еще более низкие цифры.

Следует учесть также, что каждый аламан длился в общем недолго. Даже хивинские аламаны, вообще более затяжные в связи с необходимостью преодолевать Кара-Кумы, продолжались, как правило, не дольше 20—25 дней. Таким образом, аламаны не могли надолго отвлечь их участников от других занятий.

Посмотрим теперь на добычу аламанщиков в 1818 г. Почти все аламаны 1818 г. были «удачны», и данные о добыче и числе пленных приводятся весьма подробно (кроме сообщения о количестве скота, угнанного во время большого набега Алаш-бия на Ахал). Во время остальных восьми набегов было угнано в общей сложности 1450 верблюдов и около 5000 баранов, не считая прочего награбленного имущества (о нем подробно не говорится, так как оно, повидимому, особой ценности не представляло) и небольшого количества — не более десятка — отбитых лошадей. Пятая часть награбленной добычи выделялась хану Хивы. Учитывая, что в этих восьми набегах участвовало 1700—1800 человек, мы видим, что на каждого аламанщика в среднем приходится не многим более $\frac{1}{2}$ верблюда и около 2 баранов. Кроме этого, в 1818 г. аламанщики убили в общей сложности несколько более 200 человек³⁸, за что, исходя из обычной «таксы», установленной в Хиве, они должны были получить от хана 1000 тилля, т. е. 4000 рублей серебром³⁹. Наконец, от продажи 79 приведенных пленных они могли выручить до 4000 тилля (фактически меньше, так как пятая часть пленников также поступала хану). Всего хивинские аламанщики 1818 г. — туркмены, узбеки и другие — должны были получить около 4 тысяч тилля, что составляло в среднем менее 1,5 тилля на человека.

Итак, средняя добыча аламанщика в 1818 г. составляла около $\frac{1}{2}$ верблюда, 2 барана и от 1 до 1,5 тилля, не считая того, что доставалось ему при разделе скудного имущества ограбленных дайхан Ахала и Теджена. Это в общем немного. Действительно, результаты изучения других аламанов XVIII—XIX вв., описание которых сохранилось в источниках, говорят, что средняя доля их участника была невелика. Конечно, бывали и более «удачные» набеги, когда захваченное золото «мерили чашками»⁴⁰, когда аламанщики угоняли в один раз по 40 тысяч верблюдов и 80 тысяч овец⁴¹ или захватывали тысячи пленных⁴², но, во-первых, такие случаи насчитываются единицами, по 2—3 в 50 лет, а, во-вторых, подобные набеги предпринимались отрядами в 2—3 тысячи всадников, так что рядовые аламанщики получали при разделе опять-таки немного.

Кроме того, как выяснено выше, в аламанах 1818 г., как и в другие годы, участвовало лишь меньшинство туркмен, примерно один всадник на 5—6 семейств. «Валовой доход» от аламанов, если бы он распределялся равномерно между всеми туркменами, составлял, по хивинским

³⁸ Учитывается набег Алаш-бия (100 убитых и 77 пленных), но не учитывается набег Сары-Карная в октябре-ноябре 1818 г., когда «по ошибке» были разгромлены 50 семейств текинцев, подчинившихся хивинскому хану: очевидно, что в данном случае аламанщики за убитых и пленных награды получить не могли, продать пленных — также.

³⁹ Считая тилля за 4 руб. серебром, как было принято во время путешествия в Хиву Н. Н. Муравьева (1819—1821).

⁴⁰ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, стр. 356.

⁴¹ МИТТ, стр. 531.

⁴² Там же, стр. 268—269.

ценам первой половины XIX в.⁴³, около 15 батманов пшеницы в год на семью; для того, чтобы правильнее оценить эти данные, следует сказать, что в Хиве первой половины XIX в. обычный рацион раба составлял 3 батмана пшеницы в месяц, т. е. 36 батманов в год⁴⁴.

Совершенно очевидна вздорность клеветнических утверждений о том, что аламань являлись «основным занятием» туркмен. В действительности в аламань участвовало не более 5—10% туркмен-мужчин и при этом лишь в течение 10—20 дней в году, а общая сумма «доходов» от аламань по отношению к численности туркмен была невелика. К тому же надо учесть, что большинство туркменских племен страдало от аламань не в меньшей степени, чем наживалось от них.

Кто же выступал в качестве организаторов и участников аламань? В источниках содержится достаточно данных, чтобы ответить и на этот вопрос. Из хроник Муниса и Агехи и архивов хивинских ханов видно, что туркмены — участники хивинских аламань — это «сипахь»⁴⁵, нуке-ры⁴⁶, «избранные джигиты»⁴⁷, одним словом, — представители военно-феодальной верхушки туркменских племен, тесно связанной с ханским двором. За плечами этих головорезов стоял сам хан Хивь, глава одного из самых архаических и реакционных политических режимов Средней Азии в XIX в. Удачливые предводители аламань высоко поднимались в хивинском государстве, становились крупными сановниками, племенными вождями. Говоря о сборе войск для похода в Хорасан в 1826 г., Агехи называет, между прочим, «...высоких особ йомутского племени: Давли-бахши, хан Мухаммед-векиль, Кока-сердар, Ораз Мухаммед-векиль, Баги-бек-бегахдыр, Берды-бек-бегахдыр, Берды-хан-татар и Сары-Карнай-сердар, из которых каждый преуспел в чинах и степенях через посредство искренней службы его величеству»⁴⁸. Почти все названные здесь предводители — крупнейшие аламаньщики первой половины XIX в., руководившие не одним десятком братоубийственных набегов на теке, сарыков и эрсари. Эти профессиональные разбойники с такой же легкостью переходили на положение хивинских вельмож и военачальников, с какой английские пираты XVI в. — Дрейк, Ралей, Гаукинс и другие — превращались в адмиралов королевского флота, продолжая действовать своими привычными методами, но уже от имени королевы.

Выше говорилось, что покровителем, а часто даже инициатором аламань выступал сам хивинский хан, получавший значительный доход от работорговли и пятую часть добычи; кроме того, он имел возможность направлять аламань в соответствии со своими политическими целями — то против Ирана, то против Бухарь, то против восставших теке и сарыков, то, наконец, силами теке и сарыков против восставших йомутов. Нуждаясь в услугах аламаньщиков, хан щедро награждал их золотыми и серебряными кинжалами, почетными халатами, конями в золотой сбруе. За каждую отсеченную голову «врагов», привезенную аламаньщиками, хан платил 5 тилля (20 руб. серебром), за каждого живого пленника — 10 тилля⁴⁹. В некоторых случаях, во время подавления наиболее крупных и опасных для хивинского правительства восстаний туркменских племен, эта кровавая такса повышалась вдвое⁵⁰.

Активное участие в аламань принимало духовенство. Шейх-уль-ислам Кутбэддин-ходжа лично возглавлял многие аламань, в том числе большой набег на Мешхед в 1833 г. Даже свой сан шейх-уль-ислама он получил в

⁴³ См. П. П. Иванов, Архив хивинских ханов, стр. 99—100, 102.

⁴⁴ Там же, стр. 97 и сл.

⁴⁵ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, стр. 412, 416.

⁴⁶ Там же, стр. 444 и др.

⁴⁷ Там же, стр. 400 и др.

⁴⁸ Там же, стр. 434.

⁴⁹ Там же, стр. 400.

⁵⁰ Там же, стр. 504.

награду за удачный аламан⁵¹. Часто ходили в аламань и суфийские ишаны⁵². Аламань, являясь обычным проявлением феодальных усобиц, устраивались и феодальными противниками хивинского хана, например, Мурадом Суфи и другими.

Йомуты устраивали аламань во время большого восстания в 1850—1860-х годах⁵³, носившего в общем народный, освободительный характер, хотя в нем участвовала и йомутская знать. Но в целом источники создают совершенно определенную картину: у хивинских туркмен XIX в. основную роль в аламанях играла военно-феодалная знать — феодально-родовые вожди, нукеры и т. д.; большинство аламанов совершалось или с разрешения хивинского хана, или по его прямому приказанию.

Приблизительно так же дело обстояло и в Бухаре, хотя связь эмира с аламанщиками здесь не была такой тесной и постоянной, как в Хиве. И здесь туркмены использовались для проведения аламанов против врага, за что получали награды. Так, Шах-Мурад использовал приамударьинских туркмен для набегов на Мерв⁵⁴, эмир Хайдар — для набегов на Хорезм⁵⁵. Набеги организовывала и возглавляла эрсаринская феодально-родовая знать, тесно связанная с бухарским правительством и получавшая от него почетные титулы — дадха, караулбеги, бий, токсаба и другие. В основном аламань эрсаринских сердаров были направлены не на бухарских подданных — узбеков и таджиков, а за пределы Бухары, на теке, салоров, сарыков, на города и оседлые селения между Балхом и Гератом⁵⁶. Эрсаринский поэт Сеиди в стихотворении «Баралы, беглер» весьма реалистически рисует аламань на Хорасан⁵⁷.

Об аламанях туркмен прикопетдагской полосы и Атрека также имеется немало свидетельств. Наиболее внимательные русские наблюдатели решительно выступали против огульного обвинения туркмен в аламанстве. Корреспондент газеты «Голос» еще в 1876 г. писал в статье «С берегов Каспийского моря»: «...не бедняки туркмены заправляют крупным грабежом, а их ханы, ведущие торговлю людьми. Обыкновенно бедные туркмены выходят на грабеж по найму от того или другого хана и за каждого доставленного в степь перса получают весьма небольшое вознаграждение»⁵⁸.

В иранской хронике «Насих-ут-таварих» содержится яркая характеристика подобных крупных предпринимателей-работорговцев, принадлежавших к салорской аристократии: «Эти люди возводили свой род к Тулуйхану, сыну Чингиз-хана, и зовут они его Салыр-ханом. Они считают себя принадлежащими к слишком высокому рангу для того, чтобы заниматься резней и захватом пленных. Поэтому туркмены (племен) теке, сарык, имрели и алиэли приходят к ним, одалживают у них коней и оружие, а как только им удастся победить и взять в плен (кого-либо из) проезжих и шиитов, то они привозят пленных и (захваченное) имущество к ним (салырам) с поздравлением и половину (добычи) отдают на их долю»⁵⁹. Таким образом, эти знатные салоры выступали как организаторы и вдохновители набегов, хотя сами не участвовали в них. Часто в роли организаторов аламанов и работорговли выступали также иранские феодалы, превращавшиеся в сподвижников и союзников туркменских сердаров⁶⁰.

⁵¹ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, стр. 400.

⁵² «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 193—194.

⁵³ Агехи, Джами-уль-вакыат-и-султани, МИТТ, II, стр. 552 и др.

⁵⁴ Мир-Абдуль-Керим бухарский, История Средней Азии, МИТТ, II, стр. 197; ср. Ефремов, Десятилетнее странствование, М., 1952, стр. 23.

⁵⁵ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, стр. 424.

⁵⁶ Н. Маев, Степные пути от Карши к Аму-дарье, «Известия Русского географ. об-ва», вып. III, 1881.

⁵⁷ Сейди, Сайланан эсерлер, Ашгабад, 1948, стр. 37—38.

⁵⁸ «С берегов Каспийского моря», «Голос», 1876, № 193.

⁵⁹ «Иранские источники по истории туркмен XIX в.», МИТТ, II, стр. 227.

⁶⁰ См., например, Риза-Кули-хан, Сафарат-намэ-и-Хорезм, стр. 290—291.

Наиболее известные сердары Ахала и Мерва — Мурад-сердар, Хани-Кор-сердар, Мухаммед-шейх, Ак-Мухаммед-хан, Софи-хан, Курбан-Мурад-ишан, Тыкма-сердар и другие — были одновременно руководителями политической жизни Ахала и Мерва, феодально-родовыми вождями, видными представителями суфийского духовенства, крупными землевладельцами. Таким образом, и здесь руководящее ядро аламанщиков состояло из феодальной знати, привлекавшей к участию в аламанах бедноту на кабальных условиях: «подрядчики» или брали половину добычи в уплату за пользование конем и оружием, или платили беднякам «сдельно» за каждого приведенного пленного.

Можно сказать с уверенностью, что аламаны были постоянным занятием не туркменского народа, а сравнительно небольших «аристократических шаек». В бюджете главарей и членов этих шаек грабеж и работоторговля, несомненно, играли крупную роль. «Ата-векиль и Назар-векиль, — пишет Агехи, — принадлежавшие к знати йомут, долгое время вместе с аламанщиками этого племени занимались грабежом имущества и уводом детей и населения богохранимого государства (Хивы)... Продавая похищенных, они содержали этим свои семейства»⁶¹. На грабеже, крови и страданиях создавались богатство и политический вес.

Более широкие слои туркменского общества привлекались к аламанству лишь эпизодически, отчасти путем найма бедняков, отчасти в порядке выполнения «долга», налагаемого архаическими родо-племенными традициями и исламской религией. Для оправдания грабительских набегов и вовлечения трудящихся в свои кровавые дела туркменская феодально-родовая знать использовала весь арсенал средств идеологического воздействия, начиная с пережиточных патриархально-родовых представлений и религии и кончая художественной литературой.

Феодально-родовая знать всячески поддерживала и культивировала архаические представления об аламани как о законном и справедливом способе коллективной самозащиты, справедливой мести; при этом участники аламана объявлялись героическими исполнителями воли племени, его защитниками от покушений «чужих», соседей-врагов, мстителями за обиды родного племени, хотя в действительности аламаны лишь давали соседним феодалам удобный повод для ответных грабительских набегов и несли народу страдания и разорение. Распространение подобных взглядов, искажавших подлинную грабительскую природу аламанства, облегчалось и обуславливалось сохранением у туркмен ряда архаических патриархальных пережитков и институтов.

Той же знатю искусственно культивировалась и разжигалась межплеменная вражда, поднимались всевозможные старые «счеты», позволявшие найти «законный» повод для организации грабительского нападения на соседей⁶². Эти «счеты» в обстановке непрерывных войн и столкновений были так перепутаны, что жадные до грабежа аристократические шайки всегда могли найти подходящий предлог, «оправдывавший» организацию очередного разбойничьего нападения.

Для оправдания аламанов необычайно широко использовались мусульманская религия и нормы шариата. Участие в аламанах против «неверных» шиитов-иранцев, русских или народных повстанцев, которых, согласно шариату, считали «еретиками», «отступниками от ислама» и т. п., объявлялось выполнением религиозного долга; мусульманские богословы учили, что смерть в таком аламани делает «шехидом», мучеником за веру, открывает дорогу в рай. «Поскольку священная война является одним из предписаний корана, — пишет Агехи, — мусульмане должны ежегодно обнажать свой меч против неверных. В соответствии с этим

⁶¹ Агехи, Шахид-и-икбаль, МИТТ, II, стр. 615.

⁶² Как это сделала, например, йомутская знать в 1885 г. (см. Агехи. Джамии-уль-вакыат-и-султани, стр. 547).

постановлением и для выполнения указанной религиозной обязанности, хан... назначил одного из йомутских предводителей Кока-сердара, из племени ошак, с сотней лучших йомутских воинов для набега на хорасанских кызылбашей»⁶³. Изуверская проповедь «священной войны», грабежей и убийств под маской религиозного фанатизма велась в первую очередь представителями суфийского духовенства — пирами, ишанами, которые, как уже говорилось, часто лично участвовали в аламанах и во всяком случае их инспирировали⁶⁴. Отправляясь в набег, аламанщики всегда старались заручиться «помощью свыше» — благословением ишана, талисманами⁶⁵, а по возвращении отдавали ему часть добычи⁶⁶. Многие к тому же были мюридами этих ишанов.

Для оправдания аламанов и вовлечения в них трудящихся, зная пыталась использовать возникшее в период разложения первобытно-общинного строя известное представление, что делом, достойным свободного мужчины, является война, грабеж, а не труд. Представления о «благородном» характере грабительских войн и «позоре» труда были очень живучи и в рабовладельческом, и в феодальном обществе (средневековое рыцарство, особенно во Франции, Германии и Испании, японские самураи). Конечно, эти взгляды вырабатывались не в народной, а в военно-рабовладельческой и военно-феодальной среде, но следует иметь в виду, что «в каждую эпоху мысли господствующего класса суть господствующие мысли, т. е. тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила»⁶⁷. Туркменская знать усиленно старалась внушить массам, что сложившийся в представлении этой знати «идеальный» образ удалого хищного наездника, живущего за счет награбленной добычи, продажи и труда рабов, окруженного рабынями-наложницами, есть истинный идеал мужчины, а тот, кто отказывается от аламанов во имя мирного труда, — трус, достойный презрения и осмеяния.

Пропаганде этих взглядов способствовали феодальные правители, награждавшие и возвышавшие аламанщиков. Пропаганду этих взглядов вели суфийские пиры и ишаны, проповедывавшие священную войну с «неверными»; ее вели туркменские поэты и певцы феодально-байского направления, воспевавшие грабительские походы, их участников и руководителей. Таковы, например, «Ходжамберды-хан» Шабенде, «Юсуп и Ахмет» Магрупи. Некоторые стихотворения Сеиди («Эрсаринин йигитлери», «Баралы, беглер», «Йигитлер») также пронизаны этими представлениями. Конечно, туркменскому народу в целом, основная масса которого состояла из тружеников — крестьян и ремесленников, ведущих мелкое самостоятельное хозяйство, не могла быть свойственна подобная военно-феодальная идеология, но ее усиленная пропаганда заражала известную часть крестьянства. Это и требовалось знати, так как, с одной стороны, повышало ее авторитет, а с другой, — обеспечивало пополнение отрядов аламанщиков.

Итак, аламаны не являлись основным или хотя бы одним из основных занятий туркменского народа, как это клеветнически утверждали иранские феодальные писатели и некоторые ориенталисты XIX в. В действительности в аламанах участвовала незначительная часть туркмен, а общая сумма «доходов» от аламанов была очень невелика в сравнении с численностью туркменского населения.

Аламаны не являлись также справедливой народно-освободительной войной, как это ошибочно пытались утверждать некоторые советские

⁶³ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, стр. 380.

⁶⁴ «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 193—194.

⁶⁵ П. С. Васильев, Ахал-текинский оазис, стр. 50.

⁶⁶ «Новое время», 1879, № 1326.

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. IV, стр. 36.

историки, недостаточно овладевшие фактическим материалом, хотя мотив мести персидским захватчикам-феодалам за их грабежи и бесчинства во время походов в Туркмению мог быть одним из вербовочных лозунгов организаторов аламанов—сердаров. Аламаны организовывались, как правило, не трудящимися, а феодально-родовой знатью и суфийским духовенством, часто по прямому заданию феодальных правителей стран Среднего Востока (Ирана, Афганистана, Хивы, Бухары). Основной целью аламанов был грабеж, сочетавшийся с убийствами, опустошениями и уводом людей в рабство. Аламаны почти всегда направлялись не на феодальные крепости и другие военные объекты, а на мирное крестьянское население, пастухов, торговые караваны и т. п. Аламаны способствовали разжиганию вражды между народами Средней Азии и затрудняли объединение трудящихся разных племен и народов в борьбе против угнетателей-феодалов. Аламаны, взаимно совершавшиеся туркменскими сердарами и феодалами соседних стран, разоряли туркменский народ, препятствовали мирному созидательному труду, способствовали хозяйственному и общественному застою, укрепляли господство феодальной знати над туркменской беднотой.

Всякая попытка идеализировать и оправдать аламаны является ошибочной. Эта ошибка объективно приводит к оправданию разбоев, убийства и работорговли, к оправданию варварского истребления мирных жителей, т. е. к оправданию всего того, что ныне является тяжчайшим военным преступлением в глазах всего прогрессивного человечества.
